

КОГНІТОЛОГІЯ, КОНЦЕПТОЛОГІЯ ТА ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЯ

УДК 001.1

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ О ЯЗЫКЕ

Шепель Ю. О.

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

Современное языкознание — это сложная, высокоразвитая наука, имеющая богатую историю, отмеченную именами многих ученых с мировой известностью и бесспорными достижениями как в области теоретических изысканий, так и в сфере их практического применения. Однако насколько бесспорны успехи современной науки о языке, настолько же очевидны и многочисленные нерешенные проблемы, встающие перед ней.

Более того, у многих ученых возникает вопрос, не являемся ли мы свидетелями кризиса лингвистики?

Не утратила ли она с потерей той методологической монолитности, которая характеризовала ее в конце XIX в., и право на самостоятельное существование как единая наука? Резюмируя размышления на эту тему, Юрий Сергеевич Степанов в названии одной своей статьи так определяет современное состояние науки о языке: «Теоретическая лингвистика входит в новый век многополюсной дисциплиной» [Степанов, 1999: 5]. Причем сама эта ситуация «многополюсности» Юрия Сергеевича Степанова не страшит, настораживает его иное: появляющиеся то там, то там утверждения вроде

следующего: «есть только одна истинная теоретическая лингвистика — такая-то» [Степанов, 1999: 5].

Конечно, Ю. С. Степанов прав: «многополюсность» современного языкознания — не свидетельство его распада. Скорее наоборот: это свидетельство того, что в лингвистике существуют многочисленные «точки роста», чреватые появлением новых и плодоносных побегов на общем стволе науки о языке.

На вопрос поэта, вынесенный в заглавие одной из статей Ревекой Марковной Фрумкиной («Куда ж нам плыть?...») [Фрумкина, 1996: 77], можно дать вполне определенный ответ: современному лингвисту есть куда плыть, более того, спектр маршрутов, предлагаемых ему, весьма широк. Но вот наметить эти возможные маршруты в область языкознания XXI в. — это задача очень и очень своевременная.

Предлагаемый читателю материал как раз и посвящен попытке очертить те области современной науки о языке, которые, как представляется, являются наиболее приоритетными для русистов.

Первая область связана с решением только одной проблемы, но проблемы, по мнению автора, весьма актуальной для современной лингвистики. Проблема эта может быть сформулирована так: **что такое языковой смысл и какова структура смыслового строя языка.**

В современной лингвистике ведутся весьма оживленные дискуссии вокруг понятия «языковой смысл». Так, Анна Вежбицкая полагает, что смысл лежит в основе языка, а не наоборот. По ее мнению, значение слов нельзя описать, не пользуясь некоторым набором элементарных смыслов (или семантических примитивов). Поэтому самые сложные семантические структуры можно интерпретировать «как культуроспецифические конфигурации универсальных смысловых элементов — то есть врожденных человеческих концептов» [Вежбицкая,

1999: 20]. Согласно А. Вежбицкой, врожденными являются только те концепты, которые обнаруживаются во всех языках, такие как *лицо* (*person*) и *вещь* (*thing*), *делать* (*do*) и *произойти* (*happen*), *где* (*where*) и *когда* (*when*), *хороший* (*good*) и *плохой* (*bad*) [Вежбицкая, 1999: 20]. Именно они представляют собой предшествующие языку врожденные элементарные смыслы или семантические примитивы, составляющие «язык мысли». Причем А. Вежбицкая особо подчеркивает, что для нее основным доказательством врожденности семантических примитивов является не то, как ребенок овладевает теми или иными языковыми структурами, а то, что семантические примитивы являются универсальными, т.е. присутствуют во всех языках.

Однако принцип универсальности семантических примитивов, как выяснилось, не всегда подтверждается. Юрий Дереникович Апресян доказал, что семантические примитивы на самом деле не обязательно предельно просты по смыслу и поэтому в общем случае не обладают свойством универсальности. Он установил, например, что глаголы *want* и *хотеть*, относимые А. Вежбицкой к семантическим примитивам, не являются семантически простыми словами. При этом те «семантические добавки», которыми осложнено в них значение чистого желания, «специфичны для русского и английского языка, соответственно» [Апресян, 1995: 480].

Истолкование рассматриваемых как «системообразующие смыслы» семантических примитивов Московской семантической школой отличается от трактовки А. Вежбицкой в некоторых весьма существенных моментах.

Во-первых, вопрос о врожденности семантических примитивов не поднимается.

Во-вторых, семантические примитивы признаются национально специфичными: «лексема L считается примитивной, если в данном языке не существует других

лексем $L_1, L_2 \dots L_n$, через которые ее можно было бы истолковать» [Апресян, 1995: 480].

В-третьих, выделение семантических примитивов происходит не методом *тренированной интроспекции*, т. е. путем наблюдения за собственным языковым сознанием (как у А. Вежбицкой), а путем *ступенчатой декомпозиции*, т. е. путем разложения более сложных значений на все более простые, вплоть до элементарных [Апресян, 1995: 471].

Так понимаемые семантические примитивы не являются ни врожденными, ни универсальными. На языке семантических примитивов описывается главным образом национальная семантика. Ю. Д. Апресян утверждает: «Универсальная (cross-cultural, глубинная) семантика должна строиться, по-видимому, на основе искусственного логического языка, словами которого будут подлинные примитивы — пересекающиеся части квазипереводящих друг друга слов естественных языков. Это своего рода семантические кварки — реально существующие смыслы, никогда не материализуемые в словах естественных языков» [Апресян, 1995: 481].

Таким образом, для создания универсального семантического метаязыка предлагается идти путем анализа, т.е. путем разложения сложных объектов на все более и более простые. Вполне очевидно, что такой путь восходит к методам работы со словом, предлагавшимся представителями британской аналитической философии (Б. Рассел, Дж. Остин и др.).

К понятию «языковой смысл» возможен и иной подход, основанный не на анализе, т.е. декомпозиции значений отдельных слов, а на синтезе, т.е. на восхождении от конкретных лексических значений ко все более и более абстрактным понятиям, представляющим собой основу значений больших пластов лексики.

В последних работах Натальи Юльевны Шведовой разработаны принципы описания смысловых категорий

языка, основанные на концепции местоимения как смыслового исхода. Согласно этой концепции, закрытая система местоименных слов специально предназначена в языке для обозначения таких глобальных понятий физического и ментального мира, как живое существо, предмет, признак, действие, состояние, место, время, цель, причина, мера и др.

Таким образом, местоимения являются *естественными языковыми категоризаторами смысла*. Поэтому можно дать такое определение языкового смысла: «Это самое общее понятие, первично означенное местоименным исходом... и материализуемое при помощи таких разноуровневых языковых единиц, семантика (языковое значение) которых включает в себя соответствующее понятие и объединяет все эти единицы в некое семантическое множество» [Шведова, 1998: 32]. Так понимаемый смысл является именно языковым, самим языком формализованным и представленным в распоряжение говорящего. Это смысл категориальный. Конкретные же смыслы, вкладываемые в высказывание говорящим (в терминологии Александра Афанасьевича Потебни, смыслы «личнообъективные»), в принципе, очевидно, исчислению не поддаются (по крайней мере, на нынешнем уровне развития науки о языке).

Местоимения представляют собой смысловые исходы, на которых базируются смысловые категории языка. «Языковая смысловая категория — это абстракция, существующая как отвлечение совокупно от понятия, означенного исходным местоимением, и от языковых значений (от семантики) тех единиц (формальных, морфемных, лексических, идиоматических), которые, образуя некие языковые множества, обращены к исходному смыслу и заключают его в себе как основу своего значения» [Шведова, 1998: 32–33].

Система смысловых категорий, построенная на базе местоимений как смысловых исходов, имеет «старшего

брата» в лице системы философских категорий Аристотеля. Впрочем, понятно, что перед нами не факт механического заимствования, а факт добросовестного следования логики языка, неизбежно выводящей на местоимения как универсальные «языковые категоризаторы». При этом мы останавливаемся на уровне абстракции, заданном самим языком. Это позволяет выделить не только универсальный, но и идиоматический элемент смысловой структуры того или иного языка (см., например, отсутствие такой дробности категории места в английском языке). Кроме того, очевидна значимость такого подхода в сопоставительном плане.

Итак, можно подвести следующий итог: трактовка местоимений как смысловых исходов или «языковых категоризаторов» и смысловых категорий как совокупности устремленных к заданному местоимением исходному смыслу разноуровневых языковых единиц является базой для целостного описания смыслового строя русского языка, которое **может быть названо «Русская грамматика смыслов»**.

Следующую приоритетную область современной русистики представляет, на мой взгляд, целый комплекс студий, связанных с **понятием «концепт»**. Известно, что этот термин сейчас стал широкоупотребительным и фигурирует во многих лингвистических работах как их центральное понятие. При этом одни исследователи, употребляя этот термин, вообще не дают его определения, полагая, что читатель сам знает, что это такое. Другие дают определение, которое во многих случаях оказывается уязвимым или расплывчатым и не может считаться определением термина.

В нашей литературе следует назвать четырех исследователей, работы которых есть основополагающими в определении концепта как единицы, относящейся к области лингвистики. Во-первых, статья Сергея

Алексеевича Аскольдова «Концепт и слово» (впервые опубликованная в Русская речь / Под ред. Л. В. Щербы. «Academia». 1928); во-вторых, опирающаяся на эту статью и развивающая мысли ее автора статья Д. С. Лихачева «Концептосфера русского языка» (1993); в-третьих, вводные статьи Юрия Сергеевича Степанова «Культура», «Концепт», «Константа» в его книге «Константы. Словарь русской культуры» (1997, 2001) и, в-четвертых, ряд работ Натальи Юльевны Шведовой.

Подходя к определению природы концепта с позиций концептуализма, Сергей Алексеевич Аскольдов пишет: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» (с. 31). Ниже читаем: «Не следует, конечно, думать, что концепт есть всегда заместитель реальных предметов. Он может быть заместителем некоторых сторон предмета или реальных действий, как, например, концепт “справедливость”. Наконец, он может быть заместителем разного рода хотя бы и весьма точных, но чисто мысленных функций. Таковы, например, математические концепты» (с. 31).

Рассматривая концепты как «эмбрионы» мысленных операций, Сергей Алексеевич Аскольдов пишет: «Концепты — это *почки сложнейших соцветий мысленных конкретностей*» (с. 34). В связи с этим утверждением Наталья Юльевна Шведова замечает: «Вдумываясь в это определение и помня, что мы имеем дело с концептом как совершенно особым, специфическим явлением, мы можем в выделенной фразе заменить слово «мысленный» словом «языковой» и тогда получим верное понимание концепта как сложного и готового раскрыться сочленения множественных и открытых для пополнения языковых единиц, группирующихся вокруг одного понятия (вспомним при этом мысль Густава Густовича Шпета о том, что «простое слово есть полный распустившийся цветок языка) [Проспект, 2004: 27].

Принимая и развивая мысли С. Аскольдова о концепте как о некой общности, существующей в человеческом уме, Д. С. Лихачев вводит понятие «концептосферы» как «совокупности потенций, открываемых в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом» [Лихачев, 1993: 5].

Юрий Сергеевич Степанов в своей книге «Константы. Словарь русской культуры» суммирует разные взгляды на то, что называется «концептом», и сопоставляет это понятие с более определенным понятием «константа в культуре» как концептом «базовым», существующим «постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [Степанов, 1997: 84]. В первом издании своей книги Ю. С. Степанов, опираясь на противопоставление «больших концептов» (констант) и «малых концептов», приводит подробные перечни последних классифицируя их по идеографическому принципу.

Принимая тезис Д. С. Лихачева о концептосфере и те конструктивные положения, которые изложены в трех названных выше работах, а также опираясь на понятие языкового смысла как реализации потенций дейктической системы языка и, следовательно, идею о существовании смыслового строя языка как целого, Н. Ю. Шведова в проспекте «Русского идеографического словаря» формулирует следующее определение концепта: «Концепт — это содержательная сторона словесного знака (значение — одно или некий комплекс ближайше связанных значений), за которой стоит понятие (т. е. идея, фиксирующая существенные “умопостигаемые” свойства реальных и явлений, а также отношения между ними), принадлежащее умственной, духовной или жизненно важной материальной сфере существования человека, выработанное и закрепленное общественным опытом народа, имеющее в его жизни исторические корни, социально и субъективно осмысляемое и — через ступень такого осмысления — соотносимое с другими

понятиями, ближайше с ним связанными или, во многих случаях, ему противопоставляемыми. Понятие, лежащее в основе концепта, имеет свой собственный потенциал, оно способно дифференцироваться: элементарное отражение этой способности словари показывают как тенденцию к образованию разнообразных словесных оттенков и переносов».

Такое определение концепта в полном объеме может быть принято применительно к тем единицам, которые в специальной литературе называются «большими» или «великими», «базовыми», «основными» концептами. Не следует, однако, забывать, что такие «основные» концепты окружены сопутствующими им единицами — «малыми», «неосновными», «небазовыми» концептами, в которых часто отсутствуют некоторые из перечисленных выше признаков, такие, например, как обязательность глубоких исторических корней, традиционность обозначения; в «малых» концептах могут отсутствовать и исторически сложившиеся социальные либо субъективные оценки или оппозиционное сопоставление с другими единицами. Такие малые концепты с «ущербной» системой концептуальных признаков не выпадают, однако, из области основного концепта; они создают ту органическую среду, без которой он не существует» [Проспект, 2004: 27]

Следующей приоритетной областью современного языкознания является изучение *языковой картины мира*.

Выражение «языковая картина мира» говорит о том, что могут существовать и другие способы его картинного представления, а в основе всех этих способов лежит сама возможность представления мира как картины. «Представить мир как картину» — что, собственно, это значит? Что в этом выражении есть мир, что есть картина и кто осуществляет представление мира в виде картины? Ответы на все эти вопросы попытался дать Мартин Хайдеггер в своей статье «Время картины мира»,

опубликованной впервые в 1950 г. [Heidegger, 1950: 69–104]. Основу этой статьи составил доклад «Обоснование новоевропейской картины мира метафизикой», прочитанный философом еще в 1938 г. Мысли М. Хайдеггера значительно определили последующие дискуссии в науковедении о существовании общенаучной картины мира и нисколько не утратили своей значимости и в наше время.

По М. Хайдеггеру, в выражении «картина мира» мир выступает «как обозначение сущего в целом» [Heidegger, 1993: 41–62]. Причем это имя «не ограничено космосом, природой. К миру относится и история. И все-таки даже природа, история и обе они вместе в их подспудном и агрессивном взаимопроникновении не исчерпывают мира. Под этим словом подразумевается и основа мира независимо от того, как мыслится ее отношение к миру».

Задавая вопрос, каждая ли эпоха истории имеет собственную картину мира и каждый ли раз озабочена построением своей картины мира, М. Хайдеггер отвечает на него отрицательно. Картина мира возможна только там и тогда, где и когда бытие сущего «ищут и находят в представленности сущего».

Превращение мира в картину — это отличительная черта Нового времени, новоевропейского взгляда на мир. Причем, и это очень важно, «превращение мира в картину есть тот же самый процесс, что превращение человека внутри сущего в *subjectum*». Следствием скрещивания этих двух процессов, т.е. превращения мира в картину, а человека в субъект, является характерное для Нового времени превращение науки о мире в науку о человеке, то есть в антропологию, понимаемую как такое философское истолкование человека, «когда сущее в целом интерпретируется и оценивается от человека и по человеку». С этим связано и возникновение с конца XVIII в. слова «мировоззрение» как обозначения позиции человека посреди сущего, «когда человек в качестве

субъекта поднял собственную жизнь до командного положения всеобщей точки отсчета».

Факт обостренного интереса языковедов к проблемам, так или иначе связываемым с картиной мира, свидетельствует о том, что этим выражением обозначается нечто относящееся к основам, определяющее сущность языка, а точнее — воспринимаемое как определяющее его сущность «сейчас», то есть на современном этапе развития науки о языке.

То, что в сознание лингвистов постепенно (и до определенной степени неосознанно) входит некий новый архетип, предопределяющий направление всей совокупности языковедческих студий, кажется достаточно очевидным. Можно, перефразируя название статьи Мартина Хайдеггера, сказать, что для науки о языке наступило «время языковой картины мира».

Последней по месту, но не по значению областью современной русистики, о которой хотелось бы сказать, является *лексикографическое представление языковой картины мира*, т.е. описание ее в словарях различного типа и назначения.

В последние десятилетия в лексикологии и лексикографии все чаще поднимается вопрос о возможности лексикографического отражения национальной языковой картины мира. Н. Ю. Шведова в связи с этим отмечает: «Словарь разворачивает перед своими читателями картину мира — так, как она существует в сознании носителей данного языка, причем эта картина относительно полным толковым словарем представляется в исторической перспективе. В этом смысле роль словаря не может быть переоценена» [Шведова, 2005: 418].

Идея лексикографического представления русской национальной языковой картины мира (точнее говоря, значительного его фрагмента) успешно реализована в подготовленном под руководством Н. Ю. Шведовой и

вышедшем в свет в 2011 г. «Русском идеографическом словаре» (подзаголовок: «Мир человека и человек в окружающем его мире»). Это первый опыт создания русского идеографического словаря, в основу которого положены идеи (обобщения), порождаемые самим языком, его словесным составом и смысловым строем (а не исходящие от лексикографа).

Это, во-первых, положение о том, что в лексической системе языка заключены и внутренне сопоставлены вполне определенные жизненно важные сферы, непосредственно связанные со ступенями человеческого познания и с результатами этого познания.

Во-вторых, положение о дейктической системе как об основе смыслового строя языка в целом, т.е. о закрытой системе местоименных слов и устойчивых сочетаний (собственно местоимений и местоименных глаголов), заключающих в себе глобальные языковые смыслы.

В-третьих, положение о концепте как о сложной понятийно-языковой сущности, которая обладает собственной смысловой парадигмой (диктуемой смысловым строем языка, в лоне которого концепт и существует), и об особом качестве тех языковых единиц, которые материализуют смысловую парадигму концепта (и соответственно заполняют зоны словарной статьи).

Эти три идеи позволили авторам подойти к пониманию идеографического словаря как такого труда, который (в отличие от существующих идеографических словарей славянских и западноевропейских языков, оперирующих лексическими единицами и систематизирующих их на основе логических либо тематических схем) должен представлять понятийное ядро русского языка посредством описания основных концептов, их смысловых парадигм и тех единиц, которые образуют ближайшую смысловую среду концепта. Предпринятый опыт создания такого словаря систематизирует и описывает 80 относящихся сюда

основных концептов и около 1000 сопутствующих словесных единиц.

Итак, приоритетными областями современной лингвистики, на мой взгляд, являются следующие:

- описание смыслового строя языка и, в перспективе, создание национальных грамматик смыслов;
- описание концептосферы языков и составляющих ее отдельных концептов;
- описание языковой картины мира языков;
- создание словарей различного типа и назначения, отражающих языковую картину мира или ее значительные фрагменты.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что такой взгляд на современные проблемы лингвистики не претендует ни на исчерпывающий, ни на безапелляционный характер, но отражает перспективу дальнейших изысканий в области изучения языков.

Литература

- Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах // Избранные труды. М., 1995.
- Вежбицкая А. Семантика: примитивы и универсалии // Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Проспект. Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире. Под редакцией Н. Ю. Шведовой. М., 2004.
- Степанов Ю. С. Теоретическая лингвистика входит в новый век многополюсной дисциплиной // Вопросы филологии. 1999, № 3. С. 5.
- Фрумкина Р. М. Куда ж нам плыть?.. // Московский лингвистический альманах. М., 1996. Вып. 1.
- Хайдеггер М. Время картины мира // Время и бытие. М., 1993.
- Шведова Н. Ю. Лексическая система и ее отражение в толковом словаре (Класс личных местоимений) // Русский язык. Избранные работы. М., 2005.
- Шведова Н. Ю. Местоимения и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М., 1998.
- Heidegger M. Holzwege. Frankfurt. M., 1950.